

И. В. Кузнецов

ЗАМЕТКИ К ИЗУЧЕНИЮ АГВАНСКОГО (КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОГО) ПИСЬМА

Письменность в Кавказской Албании по данным средневековой армянской литературной традиции. История открытия агванского (кавказско-албанского) письма

О СОЗДАНИИ агванской (кавказско-албанской) письменности повествуют Корюн, Мовсэс Хоренаци, Мовсэс Каганкатваци, Степанос Орбелян. Прямые указания о ее бытовании также имеются у Егише, Гевонда и в некоторых других источниках. Все упомянутые средневековые армянские авторы солидарны в одном — агванский алфавит, так же как армянский и грузинский, создал св. Маштоц, в более поздних документах именуемый Месропом. Все эти источники широко известны, их часто цитируют специалисты, занимающиеся кавказско-албанской проблематикой (Тревер 1959, Мамедов 1977, Геюшев 1984, Мамедова 1986, Акопян 1987, Сумбатзаде 1990 и др.).

1. Корюн и Псевдо-Корюн. Писатель середины V в., автор "Жития Маштоца" Корюн, сам называющий себя учеником последнего, пишет о том, как Маштоц с помощью священника, албанца Вениамина изучил местный язык и создал для него письменность (гл. 15). Существует две редакции "Жития": одна, с очень архаичным малопонятным текстом, видимо, восходящая непосредственно к Корюну; другая, т. н. Псевдо-Корюн — позднейшая, но также еще средневековая компиляция, где с целью разъяснения темных мест кем-то были добавлены фрагменты из Мовсэса Хоренаци и существенно изменено содержание.

В первой из них содержатся следующие указания:

«В это самое время приехал к нему некий иерей, алуанец по имени Вениамин. Он [Маштоц] расспросил его, расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена [для алуанцев] и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил».

И далее:

«И затем после этого он простился [с католикосом Сааком и царем армянским Артасесом], чтобы отправиться в страну Апуанк. И поехал он в тот край, и прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Апуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами. Все они именем Христа покорнейше приняли его. И когда они спросили его, он изложил им цель приезда своего. И они оба равные — епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привести из разных гаваров (провинций) и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на [их] пропитание» (Корюн 1981, 211-212).

Согласно тексту другой редакции Корюна, изданному в 1854 г. мхитаристами в Венеции в 11-м томе сборника "Соп'ерк" пайкаканк", и затем переведенному Виктором Ланглуа на французский язык, Месроп Маштоц не создал, а лишь "возобновил", "обновил" алфавит кавказских албанцев:

"... а затем он отправился в Алванк, обновил их алфавитвозродил традиции ученья..." (Gorioun 1869, 10).

Или в варианте перевода непосредственно с венецианского текста 1854 г., предложенном А. В. Мушегяном:

"...придя в Алуанк, там он [Месроп] вновь создал тем же образом письма и [дал] наставления любить учение, и оставив там учителей, возвратился в Армению" (Sop'erk' haucakank' 1854, 12; Мушегян 1989, 30).

Еще одно упоминание агванской письменности содержится в другом месте этой рукописи (в чуть вольном переводе Камиллы Васильевны Тревер):

«...во всех частях Армении, Грузии и в стране албанов Месроп мужественно и неустанно обучал новым письмам в течение всей своей жизни, весною и зимою, днем и ночью» (Gorioun 1869, 12; Тревер 1959, 307).

С последними двумя цитируемыми отрывками, очевидно, связано недоразумение. К.В.Тревер считает подлинником Корюна рукопись венецианского текста 1854 г. И наоборот, редакцию, которую арменоведы, начиная с Я. А. Манандяна, обычно принимают за подлинник, она называет Псевдо-Корюном. На этом основании у нее получается, что первична та версия, согласно которой "в начале V в. в Албании уже имелся какой-то свой старый алфавит, который Маштоц "возобновил"" (Тревер 1959, 307).

Для нас мотивировка такой точки зрения на соотношение обеих редакций сочинения Корюна остается неясной. Во всяком случае, посвященная разбору этого вопроса, часть книги Тревер изобилует неточностями или досадными опечатками, например, говорится о том, что венецианская редакция переведена на французский "И. Р. Эминым" (очевидно, Н. Эмином), хотя в действительности автором перевода был В. Ланглуа и т. д. (Тревер 1959, 307-309).

Мнение Тревер во многих аспектах является ориентиром для азербайджанских специалистов, занимающихся кавказско-албанской проблематикой. Это послужило тому, что они, как правило, не вникая в данную источниковедческую тонкость, вслед за Тревер, также рассматривают венецианский текст в качестве подлинника. Фаарида Мамедова именно на этом допущении строит свои выводы о существовании домаштоцевской письменности в Кавказской Албании (Мамедова 1986, 256).

Концепция этой исследовательницы, в том числе в той части, где она интерпретирует происхождение агванского письма, вызвала резкую критику в Армении.

Например, Бабкен Арутюнян объясняет появление данного двусмысленного указания Псевдо-Корюна совершенно по-другому: "По-видимому, распространение албанских писем Вениамином (первая попытка, согласно мнению критика — И. К.) не имело успеха, и Месроп Маштоц был вынужден сам отправиться в Алба-нию и вдохнуть жизнь в созданную им албанскую письменность" (Арутюнян 1987, 35).

Иначе, но опять-таки исходя из общего смыслового контекста, интерпретирует отрывок из Псевдо-Корюна со словом *porogel* "возобновил" А. В. Мушегян: "Непосредственно перед этим говорилось о том, что Месроп побывал в Грузии, там создал письма, собрал детей и назначил учителей для обучения их письму. Глагол *porogel*, помимо значений

"обновить, восстановить", имеет также смысл "вновь начать, повторить прежнее действие". Слова компилятора означают, что Месроп вновь начал (возобновил) в Албании ту же деятельность, что и до этого в Грузии, а не то, будто он реставрировал в Албании существовавший прежде алфавит" (Мушегян 1989, 30). Но в пылу полемики Мушегян пытается уличить Ф. Мамедову даже в тех грехах, которые она не совершала и приписывает ей недобросовестное отношение к источникам, и прежде всего к Корюну, не замечая при этом действительных причин конфуза.

2. Мовсэс Хоренаци. Рассказ об изобретении агванского письма Маштоцем повторяет в своей "Истории армян" Мовсэс Хоренаци — автор первой половины V в. (В случае с Псевдо-Корюном версия Хоренаци является источником, а не повторением.) Этот историк повествует о поездке Месропа Маштоца в Албанию к царю Арсвагену и к главе епископов Иеремии с целью создания письменности и сообщает очень важную деталь — письменность была создана только для одного из языков Кавказской Албании — гаргарского (кн. III, гл. 54):

"Они охотно принимают его учение и дают ему [для обучения] избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Ананию, Месроп при помощи их создал письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного. Поручив надзор ученику своему Ионафану и назначив священников при царском дворе, сам Месроп возвращается в Армению" (Тревер 1959, 308).

Перевод К. В. Тревер не лишен литературной обработки. Особенно это касается фразы, где дается характеристика гаргарского языка. Поэтому ниже мы помещаем этот же фрагмент в переводе А. Г. Абрамяна:

"Они охотно приняли его учение и дали ему избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель Сюнийский, через посредство епископа своего Анании, Месроп при помощи их создал письмена гортанного, грубозвучного и кривдовывого гаргарского языка (выделено нами — И. К.). Поручив надзор ученику своему Овнатану и назначив священников при царском дворе, сам Васак возвратился в Армению" (Абрамян 1964, 4; Мовсэс Хоренаци 1913, 329).

3. Егише. Егише (Елише) — историк V — нач. VI вв. упоминает о письменности у агван в рассказе о событиях, относящихся к V в. (суд над восставшим Васаком Сюнийским). Эти сведения важны нам как документальное свидетельство существования кавказско-албанской письменности в V в.:

"... предъявлены были грамоты, которые дал Васак всем, кто был с ним в договоре об участии в восстании: одну грамоту из страны иберов, и одну грамоту из страны албанов. .."(Егише 1904, 132; Тревер 1959, 308).

4. "Книга писем". Следующим таким свидетельством, относящимся к началу VI в., является «Книга писем» («Книга переписок») — сборник 98 посланий в хронологическом порядке, своеобразное руководство во время догматических споров, официальная редакция которого относится к VII в. Во втором письме армян к православным единоверцам в Персии (относится ко времени после Двинского собора 505 г.) говорится:

«...мы писали вам раньше, в согласии с грузинами и албанцами письмом каждой страны. А теперь повторяем то же самое» (Шанидзе 1938, 3; Шанидзе 1960, 169; Книга переписок 1901, 48-51).

5. Мовсэс Каганкатваци. Чрезвычайно важны данные об агванском письме, вообще о кавказско-албанской книжности, содержащиеся в "Истории страны Алуанк" — компилятивном, скорее всего, сочинении, приписываемом Мовсэсу Каганкатваци (Моисею Каланкатуйскому) или Мовсэсу Дасхуранци (VII или X вв.). В нем имеется целый ряд упоминаний, относительно происхождения местной письменности, бытования в Кавказской Албании письменных памятников, школах, об уничтожении албанских книг завоевателями, в частности хазарами.

Автор (или редактор) этого труда уже на первых страницах стремится подчеркнуть, что агваны принадлежат к письменным культурам (кн. I, гл. 3):

«Имеющие письменность народы суть: евреи, латиняне, [письменностью] которых пользуются и ромеи, испанцы, греки, мидийцы, армяне, алуанцы. [Все они живут] к северу от Мидии, и так до пределов Гадирона, т. е. от реки Паргамидос до Мастосиса, т. е. до востока» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 24).

Это — очень интересное указание, с той точки зрения, что если бы во время появления "Истории страны Алуанк" книжный (письменный) характер кавказско-албанской культуры все еще был бы очевиден, в подобной декларации не было бы смысла. Интересно также то, что в этом списке присутствуют армяне, но нет упоминаний о грузинах.

По поводу происхождения письма в летописи содержится три упоминания. Главное — это целиком заимствованный из Мовсэса Хоренаци рассказ о составлении агванского алфавита Мес-ропом Маштоцем, являющийся своего рода официальной армянской версией, к которой автор албанской хроники ничего не смог добавить (кн. II, гл. 3):

«В те времена, когда императором греческим был Феодосии Младший, царем Армении — ВраМуіапуһ, царем Персии — Иазкерт, а царем Алуанка — Есвален, в Алуанке, к һаурапету нашему Иереми и царю Есвалену прибыл муж, имеющий великие заслуги, блаженный Месроп, избранный сосуд Святого Духа. Они [Есвален и Иереми] охотно согласились содействовать ему в наставнической деятельности, которую он вел благодаря Божьему дару — Святой Дух через него даровал письмена армянам и иверам, и с любовью дали ему отроков смышленных на обучение. Из Сюника пригласили переводчика Вениамина, которого, по просьбе епископа Анании, отпустил доблестный Васак [князь Сюника]. Прибыли они к Месропу и с ними вместе [Месроп] создал письмена для изобилующего гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками языка гар-гарийцев. Затем, оставив тут настоятелем ученика своего Йовнатана и назначив при царском дворе священников, [Маш-тоц] возвратился в Армению. Оттуда он отправился в [город] Византион, к императору Феодосию. [Затем], возвратившись со своими учениками, стал ездить [по Армении]» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 70).

Два других — это только короткие упоминания. Они показывают, что Мовсэс Каганкатваци ничуть не сомневается в правдивости упомянутой официальной версии и опирается на нее при датировке других событий.

Первое (кн. I, гл. 27):

«Один из прежних вардапетов попечением Святого Духа создал алфавиты [письмена] для трех народов — армян, алуан-цев и иверов» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 60).

И второе (кн. III, гл. 24):

«Владыка Иеремия — это в его дни блаженный Месроп создал алуанские письмена, точно так же, как дал он письмена армянам и иверам, [приложив] огромные усилия» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 171).

Есть также прямые указания на существование в Кавказской Албании специальных школ, в которых занимались изучением христианских книг, учились читать. Одна школа описывается в том месте, где говорится о просветительской деятельности албанского царя Вачагана Благочестивого (кн. I, гл. 18):

«Венчанный волей Божьей Вачаган повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере, и жизни христианской, дабы утвердить их в исповедании Троицы, направлять по пути богопочитания их отцовский неверующий род. Многих же отроков он собрал в своем собственном селении Ростак, выделил им на пропитание и назначил над ними учителей, приказав обучить их и сделать знатоками христианских порядков.

И каждый раз, когда царь приезжал в свое селение совершать богослужение в память святых, он заходил и в школу, собирал вокруг себя детей колдунов и жрецов, и те окружали его большой толпой, кто с книгами, кто с пнакитами в руках. Тогда царь приказывал им громко читать хором, а сам слушал и, радуясь, гордился ими больше, чем человек, нашедший огромный клад» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 43).

Под пнакитами (арм. pnakit < греч. πνακίς) здесь подразумеваются воощенные доски, на которых писали используя остроконечный стержень, и которые употребляли для учебных целей, начиная с античности.

В сюжете о блаженном отшельнике Иове, который обращает в христианство население гавара (района) Пазканк в Арцахе, говорится еще об одной школе (кн. I, гл. 22):

"Пришел в гости инок другой, и мы приказали подать ему обед, и отрок поднес ему чашу вина. Когда он обедал, в селе поднялся шум, и все мы, оставив гостя одного, пошли на крики. Встал гость, взял чашу и ушел тайком. Он продал чашу, взял деньги, поступил в школу и стал учиться на эти деньги" (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 52).

В хронике упоминаются и приводятся также тексты писем:

епископа Гюта к царю Ваче (кн. I, гл. 11),

царя Вачагана к епископам (кн. I, гл. 21),

АбраһаМа Мамиконеана к царю Вачагану (кн. I, гл. 25),

армянского католикоса Иовпаннэса к албанскому — Гер-Абасу (кн. II, гл. 7),

царя Джываншера к императору Константину (кн. II, гл. 20),

письмо участников церковного собора епископов Давида и Повела к Джываншеру и ответ (кн. II, гл. 30-31),

властителя /юное к правителям Армении и ответное письмо армян Нонам (кн. II, гл. 44-45),

ответное послание армян епископу Амараса Мхитару(кн. II, гл. 49),

собора Албании армянскому католикосу Елии (кн. III, гл.4), — армянского католикоса Елии к эмирэмину Абдулмелику и ответ (кн. III, гл. 5-6).

Это свидетельствует о широком распространении письменной культуры в Албании. Однако в описаниях и упоминаниях школ и писем нигде не говорится о собственно агванском письме, поэтому, в строгом смысле, они не подтверждают еще широкое распространение именно местной письменности. Языком обучения и переписки или параллельным литературным языком мог быть уже тогда армянский.

На возможность такой ситуации указывает то место хроники, где говорится о нахождении епископами Давидом и Иовелом армяно-сирийской билингвы во время раскопок остатков древней часовни на берегу р. Тертер, в гаваре Мец Колманк. Событие это, видимо, относится к V — VI вв. (кн. II, гл. 29):

«И когда углубились на десять пядей, они там нашли две серебряные корзины со свинцовой печатью. К ним была прикреплена отлитая из золота толстая пластина, а на ней надпись сирийскими и армянскими письменами... И прочел надпись на золотой дощечке тот архидиакон хореепископ. А надпись гласила: "Это частица мощей Иерусалимских святых"» (Мовсэс Каланкатуйский 1984,109).

Два раза Мовсэс Каганкатваци говорит об уничтожении некогда существовавших книг завоевателями. Первый раз упоминание об этом помещено сразу же после отрывка из Мовсэса Хоренаци об изобретении агванского письма Маштоцем (кн. III, гл. 4):

«После этого хазирь (хазары — И. К.) пленили страну Алу-анк. Сожжены были церкви и книги Заветов. Затем, на втором году [царствования] Хосрова, царя царей, когда было положено начало армянскому летоисчислению, в том самом году патриарший престол Алуанка был перенесен из города Чола в столицу Партав из-за разбойничьих набегов врагов креста Христо-ва" (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 71).

Создается впечатление, что сюжеты об изобретении агванского письма и хазарских злодеяний имеют смысловую связь: первый повествует о том, как возникла письменная культура, второй — объясняет ее отсутствие во времена, когда жил автор.

Так как первый год армянского летоисчисления соответствует 551 г., описанные события хорошо датируются, т. е. получается, что захват Кавказской Албании хазарами произошел в середине VI в. Однако, столь ранняя дата выглядит сомнительной. Это может быть и анахронизм, каких много у Мовсэса Каганкатваци. В частности анахронизмом является упоминание другого нашествия хазар на Армению в царствование Шапура II около 350 г. В этом смысле, «История страны Алуанк» не исключение, а правило, характерное для ранней армянской и грузинской историографии: у Мовсэса Хоренаци можно найти упоминания о «толпах хазар и базилов», участвующих в событиях между 193 и 213 гг., в "Мокцевай Картлисай" ("Обращение Грузии") тюрки ("бунтюрки" и "Ионы") фигурируют

одновременно с походом Александра Македонского в Закавказье и т. д. (Сумбатзаде 1990, 77; Артамонов 1962, 116). Скорее всего, речь идет о нашествии хазар в VII в.

Второй раз об уничтожении книг говорится тогда, когда автор берется восстановить перечень местных албанских католиков, о которых, очевидно, нет ничего в армянской историографии, и поэтому ему приходится опираться на какие-то устные традиции, еще бытовавшие в регионе (кн. III, гл. 24):

«Об именах пайрапетов также надлежало написать здесь достоверное для памяти. Однако [книги], повествующие о предыдущих предводителях — об их времени, о деяниях и именах, сожжены беззаконниками и хотя нам теперь не известно, где находятся [книги] Заветов и утварь, мы все же постарались более или менее полно составить этот [список] для тех, кого это заинтересует» (Мовсэс Каланкатуаци 1984, 171).

На этом все сведения о письменности и письменных памятниках в данном источнике исчерпываются.

6. Гевонд. Последнее по времени (VIII в.) документальное подтверждение бытования кавказско-албанского письма мы находим в "Истории халифов" Гевонда (Левонда). В главе 14 он сообщает о том, что «чудесное и спасительное богоучение» преподавалось и на албанском языке, и что «та же самая книга — Евангелие на всех языках хранилось цело, неврежденно» (Гевонд, гл. 14).

Степанос Орбелян. Наконец, автор XIII в. Степанос Орбелян в своей "Истории Сюника", будучи сам сюнийским митрополитом, потому хорошо осведомленный с книжной традицией региона, многократно упоминает различные события из ранней истории Кавказской Албании. Что касается агванского письма, то он только повторяет рассказ о прибытии св. Маштоца к албанскому царю Арсвагену, с целью создания алфавита, и уже ничего не говорит о бытовании письма у кавказских албанцев в его бытность, т. е. после VIII в. (Stephannos Orbelian 1864 - 866).

Ограниченность армянских источников. Итак, в армянских летописях, житиях, дидактических сочинениях и трактатах представлены многие детали, рисующие потерянную культуру Кавказской Албании. Все это в полной мере относится к проблеме агванского письма. До открытий, сделанных уже только в новейшее время, речь о которых пойдет дальше (см. I, 10 - 12 данной статьи), мы предполагали существование этого письма, благодаря лишь одним армянским источникам, упорно свидетельствующим об этом. (Напротив, грузинская книжная традиция, как и сирийская, персидская, содержит в основном только случайные упоминания о Кавказской Албании, из которых невозможно составить целостной картины и почерпнуть каких-либо сведений о кавказско-албанской письменности.)

Можно выделить существенные моменты в той версии ее истории, которая была изложена средневековыми армянскими историографами: изобретателем кавказско-албанского письма является св. Маштоц, создавший до этого армянский и древнейший грузинский алфавиты; агванское письмо, вероятнее всего, обслуживало только один (гаргарский) из многочисленных языков Кавказской Албании; письменность на нем существовала недолго — в период V — VIII вв.; имелись оригинальная кавказско-албанская литература, преимущественно церковного характера, и, видимо, также традиция обучения на местном языке; памятники агванского письма были в последствие уничтожены.

Однако обращение к армянским источникам должно подразумевать критическое к ним отношение, в данном случае в особенности. Совершенно очевидно, что средневековая армянская историография представляет собой глубоко специфическое явление, которое необходимо рассматривать в общем контексте армянской культуры того времени. Иными словами, исходные концепты этой историографии значительно отличаются от того, что принято сейчас называть научным мышлением. Важное отличие армянских источников кроется в их отчетливо выраженном историзме, линейном хроникальном характере. Подобно античным греко-римским сочинениям, здесь все изобретения, просто события, стараются приписать деятельности конкретного исторического лица, каждое изменение — точно датировать.

Так, длительный и сложный процесс перехода к собственной письменности, армянская книжная традиция связывает с именами конкретных людей св. Маштоца (особенно) и католикоса Сахака Партева и называет точно период, вплоть до года, когда произошел этот акт — время правления царя Врамшапуха Арша-куни (скорее всего в 405 — 406 гг.). Об этом подробно, ничуть не сомневаясь, рассказывает целый ряд средневековых авторов, начиная с Корюна и Мовсэса Хоренаци. Ср. кажущиеся теперь наивными утверждения Геродота, и даже Фукидида, Плиния Старшего о том, что: "Поликрат... первый из эллинов пришел к мысли утвердить господство на море" (Геродот, История, III, 122; Хрестоматия 1964, 31), "Минос — самый древний из тех, о ком мы знаем по слухам, приобрел флот" (Фукидид, История, I, 4; Хрестоматия 1964,31), "Дедал изобрел столярное искусство" (Плиний Старший, Естественная история, VII, 198; Хрестоматия 1964, 32).

По-видимому, характерно, что в грузинской литературной традиции, историчной в гораздо меньшей степени, чем армянской, кроме очень позднего мельком брошенного замечания у историка XI в. Леонти Мровели о том, что изобретателем грузинской письменности является царь Фарнаваз (вероятно, IV — III вв. до н. э.), подобная сугубо историческая версия возникновения национальной письменной культуры не укрепилась и не находит отражения. Ничего не говорят грузинские документы и о другом важном этапе — замещении письма хуцури (асомтаврули) алфавитом мхедрули, т. е. современным грузинским письмом, может быть, даже генетически не связанным или очень отдаленно связанным с древнейшим грузинским.

Что касается агванской письменности то, как мы увидим позже (см. II, 4, 9 данной статьи), есть некоторые основания предполагать относительно длительный процесс ее сложения и развития, в противовес одноактному изобретению, о котором свидетельствуют армянские источники.

9. Ранние попытки поисков памятников агванского письма. Несмотря на предположения, целиком основанные только на свидетельствах средневековой армянской литературной традиции (см. I, 8 данной статьи), о существовании в древности особого кавказско-албанского письма, вплоть до 1930-х гг. достоверно не было известно ни одного его памятника. Значение открытия агванского письма для кавказоведения, и то, что произошло это событие достаточно поздно, и само по себе очень напоминает детективную историю, заставляют нас остановиться на этом моменте более подробно.

Так, еще в 1838 г. известный французский востоковед Эжен Борэ в докладной записке, адресованной Французской академии наук, сообщал, что в одной из рукописей Матенадарана (Эчмиад-зин) ему удалось обнаружить алфавит кавказских албанцев (Boge 1840,34-54).

В 1886 г. арменовед профессор Н. Карамиянц опубликовал статью, в которой сообщал о виденной им в Мюнхене примечательной армянской рукописи с миниатюрами ("Роман Александра"), переписанной в 1535 г. диаконом Иосафом в монастыре Сурб Григор Лусаворич в Сивасе. В ней на последней странице рядом с другими записями содержались две строчки, написанные неизвестным письмом, а на полях около первой из этих строк была сделана пометка по-армянски: "письмо агванское" (gig aluanic). Карамиянц осторожно предположил, что упомянутые две строки выполнены агванскими буквами (он насчитал их 21) и повторяют армянскую надпись, начинающуюся со слов "помяните грешного Иосафа диакона" (Karamianz 1886, 317 - 319).

Однако позднее выяснилось, что оба "открытия" были мнимыми — в обоих случаях исследователи столкнулись с армянскими криптограммами (тайнописью) (Handes amsoreay 1903, 334 -335).

Несколько раз неясные, с точки зрения лингвистической атрибуции, эпиграфические памятники также принимали за агванские.

В 1879 г. А. В. Комаров отмечал, что видел три кладбища к югу от Дербента, в лесах около Гюртен-чая, где среди армянских надписей были такие, которые "прочсть никто не смог" (Комаров 1879,438).

В конце XIX в. архиепископ М. Смбалян в поисках агванского алфавита исследовал Ширван и Дагестан. Его внимание привлекла надпись на внешней, северной стене Дербента, состоящая из десяти заглавных букв, похожих на армянские, но не являющихся таковыми. Эту же надпись повторно открыл и определил как агванскую Макара Бархударян (Смбалян 1896, 248; Бархударян 1893, 119).

В 1906 г. при раскопках древней столицы Кавказской Албании Кабалы (совр. с. Чухур-Кабала, Кабалинский район, Азербайджан) была найдена и затем вывезена в Петербург шестистрочная надпись, являвшаяся, по-видимому, агванской. Однако эта надпись оказалась утеряна (Климов 1970, 112 — устное сообщение В. Л. Гукасяна Г. А. Климову).

В 1923 г. экспедицией под руководством Н. В. Яковлева в с. Орода (Гунибский район, Дагестан), во внутренней стене башни кровников в перевернутом виде был найден камень с еще одной предположительно агванской надписью. Она состояла из заглавных букв, тождественных грузинским-хуцури, но не читалась по-грузински. Академик Николай Яковлевич Марр попытался дешифровать ее исходя из аварского языка и пришел к выводу о ее христианском характере (Марр 1947). В настоящее время этот камень также утерян.

10. Алфавит из рукописи № 7117. Настоящее открытие кавказско-албанского письма произошло в 1937 г., когда профессор И. В. Абуладзе нашел в армянской рукописи XV в. (Матенадаран, Эчмиадзинский фонд, № 7117) первый список агванского алфавита, состоящего из 52 своеобразных букв. Рукопись эта состоит из 346 листов и представляет собой учебник армянского языка, составленный по заказу священника Мкртыча. Основанием рукописи послужил протограф, привезенный в Армению из Каффы (Крым) католикосом Киракосом Вирапеци (1441 — 1442 гг.), который поместил рукопись в Мецопском монастыре. Здесь по настоянию вардапета Товмы примерно в 1436 — 1440-х гг. (последний умер в 1446 г.) рукопись была переписана известным писцом диаконом Ованнесом Мангасаренцом из Арчеша. В учебнике приводятся для сравнения списки ряда алфавитов, в основном древнехристианских (армянского, греческого, латинского,

сирийского, грузинского, коптского, арабского и агванского). Агванский алфавит озаглавлен: "Aluanic girm ë", т. е. "агванское письмо суть".

В следующем году Илья Абуладзе опубликовал сообщение о своей сенсационной находке, к которому было приложено солидное исследование открытой кавказско-албанской письменности авторитетнейшего кавказоведа академика Акакия Гавриловича Шанидзе (Абуладзе 1938; Шанидзе 1938). В отличие от предшествующих случаев, с самого начала подлинность списка алфавита, найденного Абуладзе, не вызывала сомнений.

Через два года Абуладзе сделал еще одно важное сообщение, косвенно подтверждающее тот факт, что кавказско-албанское письмо действительно существовало и алфавит из рукописи № 7117 подлинный (Абуладзе 1940, 317 - 319). Опять-таки, в Матенадаране им было найдено два рукописных списка текста, озаглавленного "Об истории святого и божественного елеса, которую написали отцы Востока агванским письмом и перевели на армянский язык" (№ 3070, лл. 43 - 49; № 2121, лл. 3406 - 342а, есть еще три списка этого текста: № 2080, лл. 118а - 120а; № 2136, лл. 26 -36 и № 2618, лл. 95а - 96и). О существовании такого труда никто из средневековых армянских историографов не упоминал.

Мнение обоих исследователей (И. В. Абуладзе и А. Г. Шанидзе) поддержали не только лингвисты (Ачарян 1941; Durgwzil 1940-1941, 126-127; Newsen 1964,427-432), но и другие видные ученые, занимающиеся кавказско-албанской проблематикой, например Камилла Васильевна Тревер (Тревер 1959, 311 -312; Тре-вер 1960, 8 - 9). Единственным сомневающимся долгое время оставался профессор Л. М. Меликсет-Бек, который считал, что рукопись № 7117 не настолько архаична, чтобы датировать ее тем же временем, когда армянский и грузинский алфавиты получили свое новое оформление, и что, невероятно, чтобы в V в. на основе такого низкого уровня развития ближневосточной графики мог возникнуть пятидесяти двухзначный алфавит (Меликсет-Бек 1957, 62).

11. Мингечаурские находки. А. Г. Шанидзе писал в упомянутой работе: "Раскопки должны дать нам убедительный эпиграфический материал, подтверждающий сведения армянских источников о существовании албанской письменности". Это было научным предвидением. Через десять лет, в 1948 г. во время земля-ных работ в Мингечауре (предстояло затопление определенной площади в связи со строительством Мингечаурской ГЭС) был раскопан раннесредневековый христианский храм VI — VII вв. и найден первый образец достоверно агванской эпиграфики.

Работа Мингечаурской экспедиции продолжалась до 1952 г. В разное время под руководством С. М. Казиева работали Т. И. Голубкина, Е. А. Пахомов, Н. В. Минкевич-Мустафаева, Р. М. Ваи-дов, В. П. Фоменко, Г. М. Асланов, К. М. Ахмедов и Г. И. Ионе. В результате были найдены восемь (или семь) эпиграфических памятников (надпись на "постаменте алтарного креста" и различные граффити, всего около 200 знаков), а также богатый нумизматический материал V в. — нач. VIII в. (Казиев 1948; Голубкина 1949; Ваидов, Фоменко 1951; Ваидов 1951; Ваидов 1958 и др.). Среди этих находок оказалась и такая (надпись на подсвечнике № 2), которая, видимо, воспроизводила последовательность из десяти букв, аналогичных начальным буквам алфавита рукописи № 7117, и, тем самым, еще раз подтверждала подлинность последней.

Алфавит из рукописи А. Курдиана. Наконец, в 1956 г. собиратель армянских манускриптов А. Курдиан (Канзас-сити, шт. Канзас, США) открыл второй экземпляр алфавита в рукописи, полученной им в 1953 г. Эта рукопись была переписана в 1580 г. в монастыре Баридзор в Хизане. Помимо различных текстов, она содержала и таблицы алфавитов,

среди которых, также имелся кавказско-албанский алфавит. Он очень напоминал алфавит, описанный И. В. Абуладзе и А. Г. Шанидзе. Как и в рукописи № 7117, в отличие от помещенных здесь алфавитов других языков, кавказско-албанский алфавит не был снабжен соответствующим текстом. Сам А. Курдиан предположил, что его находка — копия смецопского списка, и что оба экземпляра восходят к одному оригиналу (Kurdian 1956, 81 - 83). Однако Шанидзе, откликнувшийся на это новое открытие специальной статьей, засомневался в правильности подобного предположения (Шанидзе 1959, 201 - 206).

Находка из с. Верхнее Лабко. Позднее близ с. Верхнее Лабко (Левашинский район, Дагестан) была найдена еще одна надпись на каменной табличке, в точности воспроизводящая агванский алфавит рукописных списков. В отношении ее подлинности до сих пор не утихают сомнения. К сожалению, обстоятельства этой находки нам неизвестны (прорись воспроизводится в: Климов 1976, 451). По ее поводу, профессор Кемал Гасанович Алиев замечает: "Недавно в Дагестане (район Леваша) при туманном стечении обстоятельств обнаружена каменная табличка, знаки которой, кажется, тесно перекликаются с буквами албанского алфавита из матенадаранской рукописи. Табличка не укладывается в рамки эпиграфики раннего средневековья, с одной стороны, и рабски копирует албанский алфавит — с другой, хронологически повисая в воздухе. Все это наводит на грустные размышления о неподлинности каменной таблички" (Алиев 1992, 81-82).

Как бы то ни было в последнем случае, реальность существования особого кавказско-албанского письма была подтверждена, и сам алфавит найден. Однако, начиная с 1970-х гг. в изучении агванской письменности наметился кризис. С этого времени практически перестали поступать и известия о новых находках.